

395-03	АЛЕКСАНДР ГОРОДНИЦКИЙ	"Исход: Покинувшие распятие	Часть 3 "Время – камни собирать"
--------	-----------------------	-----------------------------	----------------------------------

"Исход: Покинувшие распятие. Часть 3 "Время – камни собирать" (Коренблит – Городницкий)

1. Время – камни собирать	– 1.10
2. Еврей от рождения	– 2.06
3. Прощай, Москва	– 2.00
4. Прощание с Москвой	– 1.46
5. Рассеянный	– 2.26
6. Дорога в Израиль	– 2.11
7. Эмигранты	– 2.55
8. Лот	– 1.37
9. Ах, земля моя	– 1.49
10. Иерусалим	– 2.10
11. Ночной Иерусалим	– 2.06
12. Города без предместий	– 2.24
13. Мёртвое море	– 2.09
14. Нам очень повезло	– 2.47
15. Преступные народы	– 2.15
16. Самодостаточность еврейства	– 2.56
17. Родство	– 1.33
18. Неистребимое многообразие	– 1.40
19. Научи меня	– 2.14
20. Изгойство	– 2.33
21. Урок иврита	– 2.30
22. Тени предков	– 2.18
23. Гордое имя «еврей»	– 1.44
24. Был бы не я	– 1.40
25. В израильском автобусе	– 2.34
26. Дорога к Богу	– 1.40
27. Разжимается ладонь	– 1.42
28. На вулкане	– 1.24

Общее время звучания – 62.44

СОДЕРЖАНИЕ

1. Время – камни собирать

Время – камни собирать.

Время – быть, а не казаться.

Всё, что можешь ты сказать,

Не откладывай на завтра.

Разделение людей,

Не прощённые обиды,

Разделение идей,

Монолитных только с виду.

Отводить не смей глаза

От всесильного мерзавца.

Всё, что можешь ты сказать,

Не откладывай на завтра.

Год Дракона – трудный год,
Время зрячих и незрячих.
Кто-то камни соберёт,
И за пазуху их спрячет.

Что нам век сулит опять? –
Крик погрома? Грохот залпа?
Всё, что должен ты сказать,
Не откладывай на завтра.
02.03.1988

2. Еврей от рождения

Век недолгий я прожил неправильно,
Никого в том теперь не вина.
Мои правнуки в пыльном Израиле
Постепенно забудут меня.
Я о Боге не ведал радения,
Сколько сказками душу ни грей,
И хотя я еврей от рождения,
Я плохой, вероятно, еврей.
Потому что, в том самое грустное,
Не жалею нисколько о том,
Что милее мне песенка русская,
Чем еврейский назойливый стон
Тех местечек, где в марте ли, в мае ли,
В нищете многодетной семьи,
За чертою оседлости маялись
Неизвестные предки мои.
Слышу песен иных отголоски я,
Что баюкая детские сны,
Пели няньки мои новгородские
Накануне великой войны.
Отправляясь в поездку бессрочную,
Растворяясь в густеющей мгле,
Стану я безымянною строчкою
На чужой и недоброй земле,
Где в Москве, Магадане и Питере,
У холодных морей на краю
Будут петь ее местные жители,
Принимая ее за свою.
2009

3. Прощай, Москва

Не слишком в жизни я был успешен,
играя с судьбою блиц.
Москва, я устал от твоих насмешек,
твоих равнодушных лиц.
Увижу ли край, где не знают горя,
где зреет в тепле лоза?
Прощай, Москва, я найду этот город,

который верит слезам.

Я попусту лучшие годы тратил,
ища, где не правит зло.
Но с этим мне, говоря по правде,
пока еще не везло.
То синь океана, то снежные горы, —
откроется ли Сезам?
Прощай, Москва, я найду этот город,
который верит слезам.

Тебя понапрасну морочит сказка, —
скорее ее забудь!
Но в сотый раз, потерпев фиаско,
я вновь начинаю путь.
Ну, что от того, что уже немолод,
что тьма подошла к глазам?
Прощай, Москва, я найду этот город,
который верит слезам.

2010

4. Прощание с Москвой

Прощай, моя Москва!
Покинутый тобой,
В пыли чужих дорог
Пойду по миру странник.
Бульварная листва
Краснеет за спиной
И старого метро
Тупой четырёхгранник.

Скорблю я по тебе,
Как путники скорбят.
Жду, как земля дождей
Засушливой порою.
Пускай сто раз судьбе
Разрушить твой Арбат, -
Его в душе моей
Я в сотый раз отстрою.

Прощай, моя Москва!
Пушинка за плечом.
Тебя в моём окне
Не видеть мне ни разу.
Но где бы я ни жил,
Теперь я обречён:
Твои огни во мне
Растут, как метастазы.

Прощай, моя Москва.
Холодный дождь в лицо,
Закрашенный кружок

На рыжей карте мира.
Кружится голова,
Садовое кольцо,
Как вянувший веноч,
Плывёт, качаясь, мимо.
1976

5. Рассеянный

Я родился от тех,
Кто десницей господней рассеян,
Уходить не хотел
За печальной толпой Моисея,
И доселе влачит
Вековечный привычный полон свой,
Посреди пирамид,
У мелеющих рек вавилонских.
Не дано выбирать мне,
Попавшему в вязкое тесто,
Ни отца или мать,
Ни рождения время и место,
Перелески и веси
Меня приютившей купели,
И мелодии песен,
Услышанные в колыбели.
Снежный мир законный
Сиял мне в заклеенной раме.
Только Бог отмененный
В музеем объявленном храме
С нашей общей землею
Напомнить мне мог о разлуке,
Разводя надо мною
Гвоздями пробитые руки.
Это все уже пройдено, –
Братьям своим не чета я.
Я считал это Родиной,
Так и сегодня считаю.
Мы пылинки в руке,
Выбирающей зной или слякоть,
На каком языке
Говорить нам придется и плакать,
Колыханье листвы
Вспоминая, знакомое с детства,
И не просто, увы,
Изменить это с помощью бегства.
1996

6. Дорога в Израиль

Дорога в Израиль. Летя самолетом Эль-Аля,
И глядя в окно, как плывут под окном облака,
За пару часов осознать успеваешь едва ли,
Как эта дорога на деле была нелегка.
Ее пролагали терпение, труд и отвага,

Мечты вековые избавить народ от беды,
Туда, где сияют цветами еврейского флага
Цвет белого камня и синей прозрачной воды.

Дорога в Израиль идет по российской глубинке,
В болотах Полесья, по краю украинских сел,
И через музеи Освенцима или Треблинки,
Где туфельки тех, кто когда-то туда не дошел.
Дорога в Израиль в потемках теряется где-то.
Там женские крики и трупы на черном снегу,
И розовый дым над варшавским пылающим гетто,
Которое дорого жизнь продавало врагу.

Дорога в Израиль идет через горные кручи,
По жаркой пустыне, где вязнут колеса в песке,
И через улыбки счастливых смеющихся внучек,
Что песни поют на забытом тобой языке.
Дорога в Израиль идет через поиски Бога,
По братским могилам погибших в неравном бою.
На свете одна существует такая дорога,
И все-таки каждый туда выбирает свою.
2007

7. Эмигранты

Из-под тёмных бровей соколиными взорами рея,
Безразлично смотря в законные тёмные выси,
Через польский транзит, по пути из кавказцев в евреи,
К Тель-Авиву летит пожилая семья из Тбилиси.

В белизне их голов – нарастаявший снежник Казбека.
Старомодным каракулем плечи сутулые грея,
Как отличны они от сидящего рядом узбека,
Что туда же летит по пути из узбеков в евреи!

И соседствуя с ними, ночным утомлён разговором,
Сном тревожным забывшись, белёсые сдвинув ресницы,
Навсегда распроставшись с покинутым Домским собором,
Мчится рижский еврей по пути от латвийской границы.

Эта авиафирма не зря именуется "ЛОТом", –
Непрозрачные тучи клубятся и слева, и справа.
Эмигрант, уезжая, себя объявляет банкротом,
И назад обернуться уже не имеет он права.

Не цвести на чужбине садам их покинутым дальним,
Не служить им чужим и чужою не мучиться болью.
Их замшелые души отъезд очищает страданьем, –
Так лежалое мясо крутой очищается солью.

Сыну песенку мать по-молдавски мурлыкает тихо,
И по-русски поэт сочиняет привычные строфы.
Человечество вспять устремляется необратимо,

Завершая исход накануне второй катастрофы.

И пресыщенный Запад сливается снова с Востоком,
И становятся прахом обычаев чуждых оковы,
И гниющие реки восходят обратно к истокам,
Чтобы мутную воду очистить струей родниковой.

8. Лот

Над водою дымит лоза,
Вся округа огнём одета.
Завяжи мне, Рахиль, глаза, -
Я не в силах увидеть это.
От котомки болит плечо,
И вдогонку нам ручейками
Раскаленная соль течёт,
Растворяя песок и камень.
Выжигает зрачки слеза
Продолжением едкой соли.
Завяжи мне, Рахиль, глаза, -
Я не выдержу этой боли.
Взад-вперед всемогущий Бог
Всё гоняет нас по Синаю, -
Посреди соляных столбов
Как жену свою опознаю?
Наступающая гроза
Распускает пыльное знамя.
Завяжи мне, Рахиль, глаза,
Чтобы род наш не умер с нами.
02.08.1996

9. Ах, земля моя

Ах, Земля моя обретенная,
Полыхание синевы,
Левантийское море сонное
И сухие пучки травы.
Могендовида, полумесяцы,
Христианства святой огонь.
На ладони она поместится,
Если взять ее на ладонь.

Ах, Земля, что была утрачена
И недавно возвращена,
За которую кровью плачено
И похоже, что не сполна.
Мне работать на ней и сеять бы,
Воротив молодую прыть,
Только мне, как и Моисею, здесь
Не придется уже пожить.

Та Земля, что вдоль моря тянется,
От которой отчалил Ной,
Навсегда мне чужой останется,

А для внуков моих родной.
Обреченного человечества
Прорастающее зерно,
Над которым пылает вечера
Неразбавленное вино.
2008

10. Иерусалим

Этот город, который известен из книг
Что велением Божиим когда-то возник
Над пустыни морщинистой кожей,
От момента творения бывший всегда
На другие совсем не похож города, -
И они на него не похожи.

Этот город, стоящий две тысячи лет
У подножия храма, которого нет,
Над могилою этого храма,
Уничтожен, и проклят, и снова воспет,
Переживший и Ветхий и Новый завет,
И отстраиваемый упрямо.

Достоянье любого, и всё же ничей,
Он сияет в скрещенье закатных лучей
Белизною библейской нетленной,
Трёх религий великих начало и цель
Воплотивший сегодняшнюю модель
Расширяющейся вселенной.

Над Голгофой – крестов золоченая медь,
На которую больно при солнце смотреть,
А за ними встаёт из тумана
Над разрушенным Котелом – скорбной стеной,
Призывая молящихся к вере иной,
Золотая гробница Омара.

Этот порт у границы небесных морей
Не поделят вовек ни араб, ни еврей
Меж собою и христианином.
И вникая в молитв непонятный язык,
Понимаешь – Господь всемогущ и велик
В многоличье своём триедином.
10.02.1991

11. Ночной Иерусалим

Советская ракета типа СКАД
Летит к ночному Иерусалиму.
Там внучки мои маленькие спят –
Вблизи от купины неопалимой,
И ненадёжный плюшевый гарант
Их сна, что, вероятно, будет краток, -
Российский медвежонок-эмигрант

Беспечно дремлет около кроваток.
Мерцает бронза лунной полосы
Над странами Персидского бассейна,
Где сонно улыбается в усы
Кавказец, воплотившийся в Хуссейна.
Бессмертно существо его идей, -
Опять толпа несёт его портреты,
На площадях и улицах людей
Расстреливают «чёрные береты».
И, продолжая многолетний труд,
Не сам ли я рассчитываю, ловок,
Подводный путь для смертоносных лодок,
Что завтра сына моего убьют?
Соляркою воняет за окном,
Где танки разворачивают пушки.
Для поколений, выросших в психушке,
Весь мир окрестный - сумасшедший дом.
И жжёт меня бессонницы тоска,
Пока неслышно и неумолимо
Советская ракета типа СКАД
Летит к ночному Иерусалиму.
1991

12. Города без предместий

Города без предместий в Израиле,
Города без предместий,
На Земле этой, Богом израненной,
На поднявшемся тесте,
Где мерцает над спящими душами,
Над Сионской горою
Вифлеемской звезды незатушенной
Голубой астероид.
В темноту упираются улицы,
Где дома окружая,
По ложбинам деревни сутулятся,
Жизнь клубится чужая.
Тост поднять не спешите во здравие
С новосёлами вместе, –
Города без предместий в Израиле,
Города без предместий.
Там внизу за могильною лестницей,
Меж густого тумана,
Поселенья арабские лепятся
Под стеной Сулеймана.
С их убогими злыми деревнями,
Вырвав око за око,
Не поделишь холмы эти древние
И могилу пророка.
Все цари, что когда-то здесь правили
Похоронены вместе.
Города без предместий в Израиле,
Города без предместий.

Этот плач о Содоме и Китеже,
Эти игры без правил!
Кто здесь брат, первородство похитивший?
Кто здесь Каин, кто Авель?
Воскрешать обитатели вправе ли
Голос крови и мести? –
Города без предместий в Израиле,
Города без предместий.
1992

13. Мёртвое море

Мёртвое море, Мёртвое море,
Горько-солёное, словно горе.
Бездна литая небо качает.
Здесь не летают скопища чаек,
Здесь не синеют мокрые сети -
Нет солонее моря на свете.
Мёртвое море, Мёртвое море, -
Плачь по Содому и по Гоморре.
Рябь свою гонит море без рыбы
Над полигоном ядерных взрывов.
Кадиш хамсина кружит во мраке
Над Хиросимой и Нагасаки.
Мёртвое море, Мёртвое море, -
К рифам Эйлата, к склонам Хемрона.
Трещиной в недрах, Господом данной,
Через Кинерет вдоль Иордана,
Вьётся тугая светлая лента,
Разъединяя два континента.
Мёртвое море, Мёртвое море, -
Белые флаги с синей каймою,
Горечь осады, мёртвое братство,
Место присяги для новобранцев.
Грозного Рима гнев и досада, -
Непокорима крепость Масада.
Зыблется сонно Мёртвое море.
Жидкою солью руки омою.
Память о Боге, память о доме,
Дай опустить мне в воду ладони.
Может не струшу перед бедою,
Вылечив душу мёртвой водою.
1992

14. Нам очень повезло

В чужой стране живи хоть лет до ста,
От ностальгии никуда не деться.
Всплывают вдруг из памяти места,
Нам снова возвращающие детство.
Горит Невы расплавленная сталь,
Отобразая белой ночи чудо.
Разводятся мосты, и очень жаль,
Что мы с тобой уехали оттуда.

Над Витебском гудит весенний гром,
Звенят колокола в Замоскворечье,
А в Киеве каштаны над Днепром
У стен Софии зажигают свечи.
Воспоминаний сладкая печаль
Уколет грудь среди чужого люда.
На Волге половодье, — очень жаль,
Что мы с тобой уехали оттуда.
На перепутьях зарубежных трасс,
В застолиях небогатых и богатых,
Я эти речи слышал много раз
В Австралии, Израиле и Штатах.
Листая вспять минувшие года,
В другой земле выстраивая дом свой,
Во сне мы вспоминаем города,
Куда уже обратно не вернемся.
Там нынче силу набирает зло,
И снова послезавтра будет худо,
И нам, конечно, очень повезло,
Что мы с тобой уехали оттуда.
2009

15. Преступные народы

Давно позабыть нам пора бы
Те сказки из давних времен:
«Народ не бывает неправым.
Народ неизменно умен».
И сам я усвоил за годы,
На веру приняв эту весть,
Что нету преступных народов,
Но Бог полагает, что есть.
Не зря он веками евреев
Водил по напрасным путям,
Огнем над Голгофою реял
И язвой морил египтян.
Не зря направлял он удар свой
На Север и Юг без конца,
Великие страны и царства
Стирая с земного лица.
И смерти разящее жало
Все вновь поднималось и вновь,
Когда по турецким кинжалам
Стекала армянская кровь,
И густо дымящий Освенцим
Вознесся кинжалам вослед.
Покаялись умные немцы,
А мы не покаялись, нет.
А там, где библейские виды
И нищее племя живет,
Ребенку под пояс шахида
Взрывчатку кладут на живот.
В огне не сыскавшие брода

Кричат про войну и про месть,
Мол, нету преступных народов.
Но Бог полагает, что есть.
И крепнет поветрие злое
В краю от Курил до Невы,
Где мерзлой укрыты землею
Расстрельные черные рвы.
И пишутся новые оды
Про совесть народа и честь.
Мол, нету преступных народов.
Но Бог полагает, что есть.
2006

16. Самодостаточность еврейства

Самодостаточность еврейства
Меня пугает всякий раз:
Взгляд немигающий и резкий
В пространство обращённых глаз,
Где неподвижные в подвижном
Они живут не первый век.
Их прежний дом пожаром выжжен,
Переменились русла рек.
На что им полосатый талес,
Когда они обречены?
От всех реликвий им осталось
Лишь основание стены.
Какой мечтой, какой надеждой,
В их судьбах горьких виноват,
Их Бог жестокосердный держит,
Им на земле устроив ад?

В эпоху межпланетных рейсов
И трансконтинентальных трасс
Самодостаточность еврейства
Меня смущает всякий раз.
Мне так несовременных жаль их
За беспощадные посты.
Утерянные их скрижали
Заметены песком пустынь.
Им не отмыть мазутных пятен
Того, что вслед им говорят.
Смешон другим и непонятен
Синагогальный их наряд.
Всегда за всё они в ответе.
Их казней бесконечен срок.
Не сорок лет - тысячелетья
В пустыне водит их пророк.

Порой погромов и арестов,
Пустопорожних громких фраз,
Самодостаточность еврейства
Меня пленяет всякий раз.

В долине гнилостного Нила
Какой найдя себе родник,
Они одну читают Книгу,
Других не признавая книг?
Что им даёт общенье с Богом,
Среди враждебных им держав,
Когда в быту своём убогом,
Неукоснительно сдержав
Ветхозаветные обеты,
Они вступают с ним в контакт,
Раскачиваясь, как поэты,
Словам, произнесённым в такт?
28.02.1992

17. Родство

Неторопливо истина простая
В реке времён нащупывает брод:
Родство по крови образует стаю,
Родство по слову – создаёт народ.

Не для того ли смертных поражая
Непостижимой мудростью своей,
Бог Моисею передал скрижали,
Людей отъединяя от зверей?

А стае не нужны законы Бога, –
Она живёт заветам вопреки.
Здесь ценятся в сознании убогом
Лишь цепкий нюх да острые клыки.

Своим происхождением, не скрою,
Горжусь и я, родителей любя,
Но если слово разойдётся с кровью,
Я слово выбираю для себя.

И не отыщешь выхода иного,
Какие возраженья ни готовь, –
Родство по слову порождает слово,
Родство по крови – порождает кровь.

18. Неистребимое многообразие

Как удивительно всё же одеты
Эти евреи и эта еврейка!
Так далеки от бывшего Завета
Эти чулки как с полотен Ван-Дейка.
Эти литовские круглые шляпы,
Польские фраки минувшего века,
Что помогали им выжить во мраке,
Так далеки от бывшего Завета!
Из океана минувших столетий
Снова волна возвратила назад их.
Разных краёв и племён они дети,

Разное время на их циферблатах.
Дышит над ними жаровня хамсина,
И исступлённо кричат муэдзины,
А меховые уборы хасидов
Напоминают про дальние зимы,
Где в украинских снегах они дрогли,
Житом чужие поля не засеяв.
Как отличается внешний их облик
От запылённой толпы Моисея!
Мимо, ревнители прошлого, мимо, —
Всё в колыбели уместится разве?
Вам не исправить огромного мира
Неистребимое многообразие.
1992

19. Научи меня

Первый бард на планете, пастух иудейский Давид,
От восторга плясавший во время общения с Богом,
Отчего и сегодня еврей в лапсердаке убогом
При молитве качаться вперед и назад норовит.

И тебе, говорят, с сыновьями не слишком везло,
Ты чужую жену возжелал, несмотря на запреты.
Научи различать, где добро обитает, где зло,-
То, что тысячи лет различать не умеют поэты.

Научи меня счастьем коротких любовных минут,
Темной ярости боя, и светлomu пенью кифары,
Научи меня стойкости, если друзья предадут,
Потому что, как ты, скоро немощным стану и старым.

Мой сородич таинственный, царь моей давней страны,
Завершая свой срок, о тебе вспоминаю сегодня.
Научи меня петь, не щадя ни себя, ни струны,
А порвется струна, - так на это уж воля Господня.

Пусть тучнеют стада меж библейских зеленых полей,
Где звенят твои песни, земным не подвластные срокам,
И склонились посланцы у пыльной гробницы твоей
Трех враждебных религий, тебя объявляя пророком.
10.05.2003

20. Изгойство

Ивритская внучка наигрывает на флейте,
Ифлийская бабушка шепчет соседу: "Налейте".
Здесь север и юг, процветающий запад с востоком,
Сошлись воедино, вернуться пытаюсь к истокам
Давно уже ставших сухими долинами рек,
Ведомые кодексом ветхозаветного быта,
Как будто и вправду в своей колыбели забытой
Способен улечься уже пожилой человек.
Их держит религия черной кипой на затылке,

Как школьный магнит на картоне стальные опилки.
Его убери, и бесформенной массой вновь
По всем континентам и странам, забыв, что евреи,
Они разбредутся, поскольку евреи скорее
Понятие общее, нежели общая кровь.
Двенадцать колен, а возможно значительно больше,
Из стран азиатских, Судана, Германии, Польши,
Цветные и белые, - все они нынче родня. –
Глазам посторонним почти незаметное свойство,
Которое обозначается словом "изгойство",
Собрало их вместе и к ним привязало меня.
03.08.1997

21. Урок иврита

"Шабат-шалом, туда раба, слиха,"
Твержу слова, не убоюсь греха.
В нехитрую их складываю фразу.
Я не в ладах с немецким языком,
С английским лишь поверхностно знаком,
А этот вдруг запоминаю сразу.

Таинственны законы языка.
Сознательная память коротка, -
Её не уберечь от разрушений.
И только в генах, через сотни лет,
Он снова появляется на свет,
Как фрески из-под поздних наслоений.

Таинственны созвучья языка.
В них шорох уходящего песка,
Пустынных львов свирепая повадка.
Я прохожу по собственным следам,
Где человек читается "адам",
Эфес еще не меч, а рукоятка.

Безумие мятущихся страстей,
Скитания адамовых детей,
Толпа рабов плетётся по Синаю...
Очередной кончается урок,
А мне ещё, как прежде, невдомёк,
Что не учу слова, а вспоминаю.
1991

22. Тени предков

Я не сам по себе – я лишь тень отдаленного предка.
Постоянно мне кажется - с ним я один человек.
Я на дереве общем всего лишь случайная ветка,
От которой появится новый зеленый побег.
Я лишь тень моих предков, поэтому режут мне уши
Свист нубийских мечей и немецкое "хальт" за спиной.
Черный дым холокоста меня в сновидениях душит:
То, что с ними случилось, случилось уже и со мной.

Я за их униженья живу в постоянной обиде.
Ощущаю надежность к работе приученных рук.
И когда ты испуг временами в глазах моих видишь,
Я отчетливо знаю, откуда приходит испуг.
Не останусь с тобою, - меня призывает дорога,
Как она призывала их тридцать столетий назад.
И когда говорю, что в единого верую Бога,
То не я говорю тебе это, - они говорят.
Миллионы за мною и передо мной миллионы.
Жар свирепой пустыни, зола от костров на снегу.
Как измученный зек, из невидимой этой колонны
Я и рад убежать бы, да только, увы, не могу.
08.07.2004

23. Гордое имя «еврей»

Густая трава покрывает
Погост позаброшенный тот,
Где русский певец Наливаев
На идише кадиш поет.
Витает печальное слово
Над ржавчиной пыльных оград,
У старого города Шклова,
Где сотни евреев лежат.
По случаю их пережил я,
И песни о них я сложил.
Не кровь, что струится по жилам,
А кровь, что струится из жил,
Навеки связала нас вместе,
Всем связям иным вопреки,
И большей не знаю я чести,
Родные мои старики.
Вела меня доля иная
По водам далеких морей,
Но звания выше не знаю,
Чем гордое имя «еврей»,
С которым назло Амалеку,
Под вопли враждебных племен,
Смогли мы форсировать реку,
Бессрочную реку времен.
2007

24. Был бы не я

У природы законы простые,
Что об этом вы ни говорите.
Мне случись бы родиться в пустыне,
Я бы песни слагал на иврите.
С судьбой понапрасну не спорю,
Чтобы сердце потом не болело.
Если б рос я у тёплого моря,
То писал бы я справа налево.
Жил бы в доме под красною крышей,
И стихи бы читал на тусовке,

Где одни лишь согласные пишут,
Добавляя потом огласовки.
Тасовал бы ивритские рифмы,
Возмужал бы на службе солдатской,
И нырял на эйлатские рифы,
Аквалангом снабжённый и маской.
В том краю, где цветные эстампы,
Иллюстрируют Библию снова,
Я, наверное, классиком стал бы,
А по-русски не знал бы ни слова.
Мне желали бы многие лета,
И в журналах печатали фото,
Только был бы не я уже это,
А другой, неизвестный мне кто-то.
22.07.2004

25. В израильском автобусе

Спит солдат по-соседству – ни выправки нету, ни стати,
Замусолена куртка, прикрыла затылок кипа.
Не увидишь такого, пожалуй, у нас и в стройбате.
Спит усталый солдат, и судьба его дремлет, слепа.
Кто сегодня предскажет, что может назавтра случиться
С этим мальчиком спящим, что так на бойца непохож?
Может, будущей ночью воткнётся ему под ключицу
Мусульманский кривой, для убийства наточенный нож?
Тонкошейй, небритый, с загаром спалённой кожей,
Автоматный ремень в полудетском его кулаке.
Я не знаю иврита, он русского тоже, и всё же
Как нетрудно мне с ним говорить на одном языке!
Почему так легко понимать мне его? Потому ли,
Что в тылу он не станет искать безопасных путей?
Что меня не сразит центробежною смертною пулей?
Что саперной лопаткой моих не порубит детей?
Мчит автобус ночной по дороге меж горных селений,
И во сне улыбаясь звезды заоконной лучу,
Спит солдат на сиденьи, усталые сдвинув колени,
Автомат, словно скрипку, прижав подбородком к плечу.
1991

26. Дорога к Богу

Ливнями размытая дорога,
Глинистые скользкие пути.
Бесконечен путь, ведущий к Богу,
До него при жизни не дойти.
Тору как вопросами ни мучай,
Как ее на память ни учи,
Вряд ли на тебя уронит случай
Вечного познания лучи.
Светят звезды из глубин колодца,
Знаменуя ночи торжество.
Где твоя дорога оборвется,
Там и повстречаешь ты его.

В Хануку, когда зажгутся свечи,
Или в теплый новогодний дождь,
Выйдет он и сам тебе навстречу,
Даже, если ты его не ждешь.
И, к земному подходя итогу,
Осознаешь, обрывая нить,
Что недолог путь, ведущий к Богу:
По нему не следует спешить.
2010

27. Разжимается ладонь

В царство призрачных видений
Мы уходим налегке.
В мир является младенец,
Жизнь сжимая в кулачке.
Лишь у края ледяного,
В ожидании конца,
Разомкнутся пальцы снова,
Став ладонью мертвеца.
Так написано в Талмуде,
Неизменной книге книг.
Зимний ветер щеки студит.
Нерадивый ученик,
Чтобы сердце не болело
От похмельного питья,
Книгу справа и налево
Перелистываю я.
Ждут кладбищенские травы.
Жизни близится финал,
Той, что слева и направо
Я бездумно проживал.
Спи, дружок, не просыпайся, —
В небе месяц молодой.
Онемев, слабеют пальцы,
Разжимается ладонь.
14.08.1996

28. На вулкане

Вам странным кажется наш дом,
Лишь скалы голые кругом,
И солнце, что всплывает в океане,
Но не твердите нам о том,
Что на вулкане мы живем,
Ведь все мы существуем на вулкане.

Еще в квартире тишина,
Еще верна тебе жена,
И чай сияет в утреннем стакане,
Но зря надеешься, чудак,
Что и завтра будет так, —
Ведь все мы существуем на вулкане.

Еще послушна и слепа
Кружит по улицам толпа,
Но держит враг за пазухою камень,
И кто сумеет предсказать,
Когда прольется кровь опять,
Ведь все мы существуем на вулкане.

Земля старей иных планет,
Но кто сегодня даст ответ,
Когда она во тьму Вселенной канет.
Уронят бомбу, и привет,
И мира не было, как нет —
Ведь все мы существуем на вулкане.
2004